

of Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2017, по. 3–2(3), pp. 18–23. (in Russian)

3. *Volkova, A.G.* Yazykovaya reprezentatsiya sobytii: priem perechisleniya v vizantiiskoi tserkovnoi poezii [Representation of events in language: method of enumeration in Byzantium Church poetry]. // Language and Culture. Tomsk, 2014, no. 4 (28), pp. 5–16. (in Russian)

4. *Deyaniya Vselenskikh soborov* [The Acts of Ecumenical Councils]. In 7 vols. Vol. 1. Kazan: The Central printing house, 1910. 510 p. (in Russian)

5. *Kanonnik* [The Book of Canons]. Saint-Petersburg: Satis, 2004. 415 p. (in Russian)

6. *Krasovitskaya, M.S.* Liturgika [Liturgics]. Moscow: PSTGU, 2008. 303 p. (in Russian)

7. *Makhov, A.Ye.* Musica Literaria: ideya slovesnoi muzyki v evropeiskoi poetike [Musica Literaria: the idea of verbal music in European poetics]. Moscow: Intrada, 2005. 224 p. (in Russian)

УДК 111.7;130.2

ОНТОЛОГИЯ НАРОДА В ФИЛОСОФИИ Ф. В. Й. ШЕЛЛИНГА И В ТВОРЕНИЯХ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО ФИЛАРЕТА (ДРОЗДОВА)

Хошев Андрей Юрьевич

кандидат технических наук,

магистрант 1-го курса

Философско-богословского факультета

Российского православного университета
святого Иоанна Богослова

E-mail: andrew.j.khoshev@mail.ru

Для цитирования: Хошев, А.Ю. Онтология народа в философии Ф.В.Й. Шеллинга и в творениях митрополита Московского Филарета (Дроздова) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 3 (12). С. 34–47.

Аннотация

Статья посвящена раскрытию темы бытия народа как самостоятельного объекта философско-богословского исследования в творчестве Фридриха Шеллинга (1775–1854) – немецкого философа, оказавшего наибольшее влияние на русскую философскую мысль XIX века, и митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова, 1782/83–1867) – одного из крупнейших русских православных богословов данного периода. Рассматриваются аналогии и имеющиеся различия в подходах двух мыслителей к изучению затрагиваемого вопроса.

Ключевые слова: Шеллинг; святитель Филарет (Дроздов); народ; онтология; эсхатология; философия откровения; книга Бытия; смешение языков; Пятидесятница.

Народ как объект философского и богословского исследования занимает промежуточное положение между человечеством как целокупным родом человеческим и, с другой стороны, конкретными индивидуумами и их группами. Ввиду ключевой роли народов в истории такое исследование выступает в качестве метаосновы для истории и наук об обществе.

XIX век был веком развития историософии, которая занимала видное место в творчестве большинства философов и богословов. Сильное влияние на русскую религиозную мысль XIX века оказала философия Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга (1775–1854) [1, с. 206]. Идеи Шеллинга прослеживаются у ряда русских религиозных философов: А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Н. Я. Данилевского, В. С. Соловьева [2, с. 35–36; 3, с. 20–23]. В свете этого представляет интерес раскрытие темы происхождения и бытия народа в творчестве святителя Филарета (Дроздова, 1782/83–1867) в сравнении с позицией Ф.В.Й. Шеллинга.

Определение народа

Народ святитель Филарет определяет как «множество людей, соединенных религиею, законом, языком, обычаями» [10, с. 3–4]. Это определение напоминает определение Церкви в «Пространном катехизисе».

Святитель указывает и механизм формирования народа: «множество это народилось от некоторого меньшего племени, а племя

произошло от семейства» [10, с. 4]. В семействе он видит и основу государства как устройства народа.

У Шеллинга встречаются различные определения народа: «огромные человеческие массы» [11, с. 238], «совокупность всех принадлежащих к нему лиц» [11, с. 219]. Философ отмечает, что «бродячие орды, без всякого единства – вовсе не народ» [11, с. 219]. Шеллинг рассматривает «власть, законодательство, нравы, даже занятия и дела с представлениями народа о Богах» как «заведомо предполагаемое и безусловно данное вместе с понятием народа» [11, с. 211]. «Что такое народ, отчего он становится народом?» – спрашивает Шеллинг. – «Бесспорно, не от того, что большее или меньшее число физически сходных индивидуумов сосуществуют в пространстве, но в силу общности сознания. Лишь непосредственное выражение такой общности – общность языка» [11, с. 210]. У Шеллинга присутствуют, в сущности, те же определения, что и у святителя Филарета, однако он изначально делает акцент на единстве и общности сознания: «ни божеская, ни человеческая власть не в силах превратить в народ не родившееся народом, – где нет изначального единства и общности сознания, там его не произвести на свет» [11, с. 211].

Происхождение многообразия народов

Учитывая подчеркиваемое обоими мыслителями значение собственного языка как существенного свойства народа, представляет интерес обсуждение ими библейской истории о смешении языков (Быт. 11).

В «Толковании на книгу Бытия» святитель Филарет делает акцент на семействе как источнике и базовом элементе структуры народа: «Моисей объясняет, каким образом из единого великого семейства человеческого рода произошли различные народы». Клановая структура человечества оказывается важной, в частности, для анализа круга родов, участвовавших в строительстве Вавилонской башни.

Важное место смешение языков занимает и в вопросе происхождения народа, что весьма актуально и для Шеллинга. Если онтологическая предпосылка существования народа – это общность сознания, то его форма – это собственная мифология и религия.

Философ пишет, что народ «осознает себя как народ, лишь отходя от единства» [11, с. 231]. Мифология, по Шеллингу, возникает вместе с народом в качестве «сознания народа-индивида; вместе с этим сознанием народ и выступает из всеобщего сознания человечества» [11, с. 212]. Всеобщее сознание человечества у Шеллинга, таким образом, наделено структурой: в ней особое место занимают народы как общности, источником бытия которых выступает фактор, называемый Шеллингом «кризис» – именно кризис «наделил все народы их бытием» [11, с. 252].

Художественным образом, моделью кризиса, а также исторически первым кризисом является для Шеллинга библейское смешение языков.

Шеллинг ставит вопрос: «Как возникли народы?», последовательно отвергая гипотезы, что «народы существуют испокон века» или «возникают сами собою» [11, с. 237]. Племена умножаются и расселяются, «отвыкают друг от друга» [11, с. 237], но это не превращает их в народы. «Пространственное разобщение родит лишь однородные – не неоднородные части, подобно народам, которые начиная с момента своего возникновения и физически и духовно неоднородны» [11, с. 237], – пишет Шеллинг. Что же касается «внутренних различий физического развития» [11, с. 238], то они способны объяснить «не появление народов, а лишь появление человеческих пород, не уживающихся друг с другом» [11, с. 239]. Шеллинг указывает, что образование народов могло произойти лишь в результате «духовного кризиса глубочайшего значения, который должен был бы происходить в основаниях человеческого сознания» [11, с. 242].

В истории о смешении языков для Шеллинга главное – что в нём «сознание <...> было затронуто (что и имело следствием смешение языка), и затронуто не просто поверхностно, – оно было затронуто в своем принципе, в своем основании» [11, с. 244]. «Вавилоном наоборот» философ называл Пятидесятницу – «временное восстановление единства языка (ὁμοῦλωσις)» [11, с. 249], «чудо праздника Троицы – дар языка» [14, с. 624–625].

Шеллинг особенно останавливается на том, что смешение языков породило рассеяние народов по лицу земли. «Не внешнее жало – жало внутреннего беспокойства, чувство, что народ перестал уже быть целым человечеством, а стал лишь частью его <...> –

вот что гнало их <...> пока народ не видел, что остался наедине с собою, отделился от всех чужеродных» [11, с. 251]. Страх проявляется как во внешнем поведении народа (расселении), так и во внутренней жизни народа, становится важной характеристикой его бытия: «Этот страх – этот ужас перед утратой всякого сознания единства – вот что удерживало вместе оставшихся, вот что заставляло их укреплять хотя бы частное единство, оставаясь если уж не человечеством, так народом» [11, с. 254]. Шеллинг останавливается на том, что смешение языков, производящее страх, являлось на самом деле следствием желания строителей башни. Толкуя Библию (Быт. 11, 4), философ отмечает, что «сделать себе имя» в настоящем случае не значит «прославиться», ибо у единого человечества, у этой толпы «нет еще «имени», т. е. она не стала еще народом» [11, с. 255]. По мнению Шеллинга, это означает «становлением народом», и «подвигает их на это предприятие страх, что они рассеются, что они не будут уже составлять целое, а окончательно распадутся» [11, с. 256].

В кризисе исполнилось страстное желание несправедливых отделиться. Этот «кризис» приводит, по Шеллингу, к появлению народов, получивших возможность оформиться и развиваться. Философ указывает на дикие племена со стертой культурой, религией и правом, высказывая мнение, что они не сумели перенести удар «смешения языков», «не стали народом и погибли в том самом кризисе, который наделил все народы их бытием» [11, с. 252].

Причина разделения видится Шеллингом в постепенном изменении сознания людей, выразившемся в многобожии: «по мере того как тот или другой народ, в народе же то или другое колено, в колоне – тот или другой индивид в согласии с своими потребностями или склонностями обращаются к одной из особенных сторон, возникает многобожие» [11, с. 229]; «нельзя найти такой причины разделения народов, которая была бы независима от политеизма» [11, с. 258]; «политеизм – вот разлагающее средство, которое попало внутрь гомогенного человечества» [11, с. 246]; «различные, расходящиеся между собой, впоследствии даже исключают друг друга учения о Богах – вот безотказное орудие разделения народов... Тот самый Бог, который в своей несокрушимой самотождественности поддерживал единство, должен был – не равный себе самому, переменчивый – рассеяться в

человеческом роде, который прежде собирал воедино; как в своей тождественности он был причиной единства, так теперь, в своей множественности, он стал причиной для того, чтобы народы рассеивались» [11, с. 246].

Особое место отводится народу избранному. В условиях, когда «знание истинного Бога сохранилось лишь у одного-единственного рода – такого, который остался *вне* народов» [11, с. 289], он и не должен называться народом, но представляет собой не-народ, называясь народом исключительно по аналогии с другими, обособившимися: «потомки Авраама стали как бы народом в том же ряду, не будучи таковым по внутреннему существу» [11, с. 291].

Здесь прослеживаются и два вида родовых отношений: объединительное и разъединительное. «Когда отдельные народы как таковые вычленились из человечества, для оставшихся умножилась притягательная сила чисто натуральных, племенных отношений – эти отношения лишь теперь приобретают энергию отъединения, тогда как сознанию племенных отношений до этого было присуще значение сохранения связи каждого рода с целым, с совокупным человечеством» [11, с. 289]. Объединение семейств в единый народ в модели святителя Филарета, равно как и сохранение единства племени до кризиса у Шеллинга, имеют в основе конструктивное начало, а деструктивный трайбализм имеет в основе кризис, «энергию отъединения».

Отмечаемая святителем Филаретом мысль о том, что не все народы участвуют в создании Вавилонской башни, перекликается и с мыслью Шеллинга о том, что стремлением строителей было гордое желание обособления, желание «сделать себе имя» и, в конечном счете, «стать народом». Народ, как подобие нового грехопадения, облачает человечество в новые кожаные ризы «народного» языка, «своей» религии и особенностей.

Святитель Филарет дает более глубокое толкование причин смешения языков («благотворные намерения Божии»): предотвращение насилия, предупреждение растления нравов и предотвращение раздоров. В то время как для Шеллинга происходящее – это именно результат действия людей и исполнение их желания, для святителя Филарета данное повествование – действие Промысла Божия, направленное в глубины жизни человечества.

В творчестве святителя Филарета и Ф. В. Й. Шеллинга можно найти подчас схожие черты – например, в выборе образа глыб и камней для обозначения народов, на которые распалось единое человечество и которые служат пассивным объектом внешнего действия в истории [4, с. 208; 13, с. 127]. Однако в целом святитель Филарет интерпретирует народ и Бога активными началами во взаимодействии. Но в то время как развитие системы народов и государств следует у Шеллинга законам, в контексте которых он изучает негативный этногенез, основанный на распаде единой религии, святитель Филарет фокусирует внимание на положительном этногенезе народа Божия.

Комментируя историю о разделении языков, Шеллинг пишет: «Оставляем за собой право различать суть дела и то, как видит все со своей позиции рассказчик. К примеру, для него возникновение народов – это несчастье, бедствие и даже кара» [11, с. 243], но не так это оценивает сам Шеллинг: «Возникновение народов – это для старинного повествователя суд Божий, а потому на деле то, что мы назвали кризисом» [11, с. 243–244].

В отличие от Шеллинга святитель Филарет определенно вводит в свое учение о народе представление о воздаянии Божиим для народа: «Нельзя подумать о Всеправедном Царе небесном, чтобы Он, воздая каждому в отдельности человеку до делам его, не воздавал целым царствам и народам – по их делам правды или греха... Даже удобнее представить человека как отдельную личность – без воздаяния в настоящей жизни, потому что для человека есть другая жизнь, в которой воздаяние по делам его совершится; нежели представить царство и народ без воздаяния в земной судьбе их – по правде или грехам царства и народа: ибо как для земных царств и народов нет другого царственного и народного бытия кроме земного; то не иначе, как в сем их земном бытии должно совершиться над ними все дело правды Божией» [10, с. 48].

Митрополит Филарет, по сравнению с Шеллингом, существенно обогащает представление о бытии народа перенесением на него антропологических и эсхатологических моделей, включающих воздаяние, а также ставя в неявной форме вопрос о перспективе народа в жизни будущего века. Таким образом, он делает шаг вглубь, представляя народ как одушевленное целое, обладающее личной связью с Богом.

Образ смешения языков возвращается в творчестве святителя Филарета в критике революционных движений. Краски из палитры Шеллинга, рисующего образ народов как элементы природы (воды, покрывающие сушу или камни, влекомые стихией), в языке святителя Филарета складываются в картину нравственной и мировоззренческой катастрофы современного ему мира, действия «развращенных народов» [9, с. 466]. «В наше время многие народы мало знают отношение государства к Царству Божию, и, что особенно странно и достойно сожаления, мало сие знают народы христианские – мало знают не потому, чтобы не могли знать, но потому, что не хотят знать... Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и закона Божия, они думают гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества в новом вкусе, на песке *народных мнений*, и поддерживать оное бурями бесконечных распрей. Их новые построения никогда не достраиваются, каждый день угрожают падением, часто действительно рушатся. Однако новые столпотворители вавилонские, несмотря на смешение мыслей, худшее древнего смешения языков, кажется, не думают еще отстать от своего столпотворения» [7, с. 468–469]. «Народные мнения» выступают в почти шеллинговском смысле деструктивного и катастрофического – дробления общества; это картина, нарисованная «изнутри» шеллинговского «кризиса» и напоминающая библейское столпотворение. При этом подчеркивается, что выбор народов кроется в упадке их нравственности и христианской идентичности, а вовсе не ограничивается действием неких законов и сил.

«Престолы стали там не тверды, народы объяродели» и «принуждены раболепствовать пред дикою силою своевольных скопищ»; «твердая земля превращается там в волнующееся море народов» [7, с. 477] – так святитель Филарет рисует разрушение традиционных устоев жизни общества в XIX веке.

Иначе к этому относится Шеллинг. Провидение в его системе действует особым образом. В своей концепции трех периодов философ пишет, что «в первый период господствует только судьба, т. е. совершенно слепая сила, холодно и бессознательно разрушающая все великое и прекрасное» [12, с. 464], во второй период «то, что являло себя в первом судьбой, т. е. совершенно слепой силой,

открывается как природа». Философ пишет, что «любые события второго периода надлежит рассматривать просто как результат действия законов природы, и даже в падении Римской империи не надо искать ни трагической, ни моральной стороны, а просто видеть в этом необходимое следствие законов природы и по существу лишь уплаченную природе дань». Что же касается третьего периода, в нём «то, что являлось нам в предшествующие периоды в виде судьбы или природы, раскроется как провидение и тогда станет очевидным, что даже то, что казалось нам просто вмешательством судьбы или природы, было уже началом открывшегося, хотя и несовершенным образом, провидения. Когда наступит этот период, мы сказать не можем. Но когда он настанет, тогда придет Бог» [12, с. 465].

Эсхатологическая перспектива у Шеллинга связана и с представлением о глобальном «государстве государств», которому должны подчиниться все народы и где «для устранения столкновений между народами будет действовать общий ареопаг народов, <...> в распоряжении которого против каждого отдельного восставшего государственного индивидуума будет совместная мощь всех остальных государств» [12, с. 450]. Там, где Шеллинг видит неумолимую коллективную организацию жизни всех народов, святитель Филарет защищает самодержавное устройство отдельно взятого народа. В поисках индивидуальных начал власти он находит их прототипы в библейской истории: «Лучшее и полезнейшее для человеческих обществ обыкновенно делают не люди, а человек, не многие, а один» [8, с. 496]. Перед миром, где все движутся в направлении, оцениваемом как новое столпотворение, святитель Филарет выступает, напротив, сторонником этнокосма во главе с Одним – православным царем. В этом находит имплицитную реализацию также и идея Шеллинга о том, что народ избранный был не-народом, находясь в противостоянии общностям, оформившимся через отпадение от единства.

Монархическое учение святителя Филарета – это не только его политические взгляды, но также и часть его учения о бытии народа. Благодетельный царь – это «вождевленный дар Божий народу и Церкви» [8, с. 496–497]; «учреждение царя есть дело Его вечного предопределения; как высоко ценит достоинство царя, когда пре-

имущество быть родоначальником царей предоставляет в награду столь избранной доблести, как Авраамова» [5, с. 521] и проч.

Исследуя народ на основе общих моделей и библейских текстов, Ф. В. Й. Шеллинг и митрополит Московский Филарет исходили из разных представлений о бытии народа и его отношениях с Богом. Святитель Филарет, распространяя на народ модели христианской антропологии и сотериологии, создал оригинальное осмысление истории, которое, хотя и не было оформлено в специальном произведении, было им развито, в том числе, применительно к обоснованию монархического устройства жизни народа.

Список литературы

1. Антипова, В.В. Наследие Шеллинга и русская духовно-академическая философия / Антипова В.В., Гилева А.В. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 2–1. – С. 206–209.

2. Лебедев, И.А. Идеалистические взгляды Шеллинга и Гегеля как идейные источники учения А.С. Хомякова о соборности / И.А. Лебедев // Философия религии. Серия: Политология. Религиоведение. – 2016. – Т. 16. – С. 35–39.

3. Сорока, И.А. Отражение идей И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Шеллинга в творчестве В.С. Соловьева / И.А. Сорока // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 5 (35). – С. 20–23

4. Филарет, митр. Московский. Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы. Говорено в Чудове монастыре 25 марта 1835 года / митрополит Московский Филарет // Меч духовный. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 201–210.

5. Филарет, митр. Московский. Слово в день восшествия на Всероссийский престол благочестивейшего Государя императора Николая Павловича. Говорено в Чудове монастыре 20 ноября 1837 года / митрополит Московский Филарет // Меч духовный. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 518–522.

6. Филарет, митр. Московский. Слово в день восшествия на Всероссийский престол благочестивейшего государя императора Николая Павловича. Говорено в Чудове монастыре 20 ноября 1849 года / митрополит Московский Филарет // Меч духовный. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 467–473.

7. *Филарет, митр. Московский*. Слово в день рождения благочестивейшего Государя императора Николая Павловича. Говорено в Московском Успенском соборе 25 июня 1848 года / митрополит Московский Филарет // Меч духовный. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 473–479.

8. *Филарет, митр. Московский*. Слово в день тезоименитства благочестивейшей Государыни императрицы Марии Александровны. Говорено в Чудове монастыре 22 июля 1856 года / митрополит Московский Филарет // Меч духовный. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 493–498.

9. *Филарет, митр. Московский*. Слово на день торжества освобождения обители преподобного Сергия от нашествия врагов. Говорено в Троицкой семинарии греческого и еврейского языков учителем Василием Дроздовым в Свято-Троицкой Сергиевой лавре 12 января 1806 года // Меч духовный. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – С. 463–467.

10. Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных : мысли, вкратце извлеченные из проповедей Филарета, митрополита Московского / сост. Порфирий Кременецкий. – Москва : Афон. Рус. Пантелеимонов мон-рь, 1888. – 51 с.

11. *Шеллинг, Ф.В.Й.* Историко-критическое введение в философию мифологии / Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг // Соч.: в 2 т. – Москва : Мысль, 1987. – Т. 2. – С. 159–373.

12. *Шеллинг, Ф.В.Й.* Система трансцендентального идеализма / Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг // Соч. : в 2 т. – Москва : Мысль, 1987. – Т. 1. – С. 227–488.

13. *Шеллинг, Ф.В.Й.* Философия искусства / Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг. – Москва : Мысль, 1966. – 496 с.

14. *Шеллинг, Ф.В.Й.* Философия откровения. В 2 т. Т. 1 / Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 699 с.

UDC 111.7;130.2

ONTOLOGY OF THE PEOPLE IN THE PHILOSOPHY OF F.W.J. SHELLING AND THE WORKS OF THE METROPOLITAN OF MOSCOW PHILARET (DROZDOV)

Andrei Yu. Khoshev

PhD in Technical Sciences

First year master degree student

Department of Philosophy and Theology

Russian Orthodox University of Saint

John the Divine

E-mail: andrew.j.khoshev@mail.ru

For citation: *Khoshev, A.Yu.* Ontology of the people in the philosophy of F. W. J. Schelling and the works of Metropolitan of Moscow Philaret (Drozdo) // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 3 (12), pp. 34–47. (in Russian)

Abstract

The article focuses on the topic of the being of a people in the philosophical and theological studies of Friedrich Schelling (1775–1854), the German philosopher, who has deeply influenced the Russian science of the 19th century, and metropolitan of Moscow and Kolomna Philaret (Drozdo, 1782/83–1867), who was one of the biggest Russian orthodox theologians of this time. The distinctions and the common points between them are considered in the article.

Keywords: Schelling; metropolitan Philaret (Drozdo); people, nation; ontology; eschatology; philosophy of Revelation; Genesis; confusion of tongues; Pentecost.

References

1. *Antipova, V.V., Gilyova, A.V.* Nasledie Shellinga i russkaya dukhovno-akademicheskaya filosofiya [Schelling's legacy and Russian spiritual and academic philosophy]. // Aktual'nye problemy

gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2015, no. 2–1, pp. 206–209. (in Russian)

2. *Lebedev, I.A.* Idealisticheskie vzglyady Shellinga i Gegelya kak ideinye istochniki ucheniya A. S. Khomyakova o sobornosti [Idealistic views of Schelling and Hegel as ideological sources for A.S. Khomyakov's teaching on collegiality]. // *Filosofiya religii. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*, 2016, vol. 16, pp. 35–39. (in Russian)

3. *Soroka, I.A.* Otrazhenie idei I. Kanta, G. Gegelya, F. Schellinga v tvorchestve V.S. Solov'yova [Reflection of the ideas of I. Kant, G. Hegel, F. Schelling in the works of V.S. Solovyov]. // *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2014, no. 5 (35), pp. 20–23. (in Russian)

4. *Philaret, Metropolitan of Moscow.* Slovo v den' Blagoveshcheniya Presvyatoi Bogoroditsy. Govoreno v Chudove monastyre 25 marta 1835 goda [Address on the day of the Annunciation of the Most Holy Theotokos. Spoken in the Chudov Monastery on March 25, 1835]. // *Mech duhovnyi*. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2010, pp. 201–210. (in Russian)

5. *Philaret, Metropolitan of Moscow.* Slovo v den' vosshestviya na Vserossiiskii prestol blagochestiveishego Gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha. Govoreno v Chudove monastyre 20 noyabrya 1837 goda [Address on the day of the accession to the All-Russian throne of the most pious Emperor Nikolai Pavlovich. Spoken in the Chudov Monastery on November 20, 1837]. // *Mech duhovnyi*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010, pp. 518–522. (in Russian)

6. *Philaret, Metropolitan of Moscow.* Slovo v den' vosshestviya na Vserossiiskii prestol blagochestiveishego gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha. Govoreno v Chudove monastyre 20 noyabrya 1849 goda [Address on the day of accession to the All-Russian throne of the most pious Emperor Nikolai Pavlovich. Spoken in the Chudov Monastery on November 20, 1849]. // *Mech duhovnyi*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010, pp. 467–473. (in Russian)

7. *Philaret, Metropolitan of Moscow.* Slovo v den' rozhdeniya blagochestiveishego Gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha. Govoreno v Moskovskom Uspenskom sobore 25 iyunya 1848 goda [Address on the birthday of the most pious Emperor Nikolai Pavlovich. Spoken at the Moscow Dormition Cathedral on June 25,

1848]. // *Mech duhovnyi*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010, pp. 473–479. (in Russian)

8. *Philaret, Metropolitan of Moscow*. Slovo v den' tezoimenitstva blagochestiveishei Gosudaryni imperatritsy Marii Aleksandrovny. Govoreno v Chudove monastyre 22 iyulya 1856 goda [Address on the day of the namesake of the most pious Her Majesty the Empress Maria Alexandrovna. Spoken in the Chudov Monastery on July 22, 1856]. // *Mech duhovnyi*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010, pp. 493–498. (in Russian)

9. *Philaret, Metropolitan of Moscow*. Slovo na den' torzhestva osvobozhdeniya obiteli prepodobnogo Sergiya ot nashestviya vragov. Govoreno v Troitskoi seminarii grecheskogo i evreiskogo yazykov uchitelem Vasiliem Drozdovym v Svyato-Troitskoi Sergievoi lavre 12 yanvarya 1806 goda [Address on the day of celebration of the liberation of the monastery of St. Sergius from the invasion of enemies. Spoken in the Trinity Seminary of the Greek and Hebrew languages by the teacher Vasily Drozdov in the Holy Trinity Sergius Lavra on January 12, 1806] // *Mech duhovnyi*, Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010, pp. 463–467. (in Russian)

10. *Khristianskoe uchenie o tsarskoi vlasti i ob obyazannostyakh vernopoddannykh*. Mysli, vkratce izvlechennye iz propovedei Filareta, mitropolita Moskovskogo [Christian doctrine of royal power and the duties of loyal subjects: thoughts, in brief, extracted from the sermons of Philaret, Metropolitan of Moscow]. Compiled by Porfirii Kremeneckii. Moscow: Athos Russian St. Panteilemon Monastery, 1888, 51 p. (in Russian)

11. *Schelling, F.W.J.* Istoriko-kriticheskoe vvedenie v filosofiyu mifologii. [Historical and critical introduction to the philosophy of mythology]. Writings : in 2 vols. Moscow: Mysl', 1987, vol. 2, pp. 159–373. (in Russian)

12. *Schelling, F.W.J.* Sistema transtsendental'nogo idealizma [System of Transcendental Idealism]. // Writings : in 2 vols. Moscow: Mysl', 1987, vol. 1, pp. 227–488. (in Russian)

13. *Schelling, F.W.J.* Filosofiya iskusstva [Philosophy of Art]. Moscow: Mysl', 1966, 496 p. (in Russian)

14. *Schelling, F.W.J.* Filosofiya otkroveniia [Philosophy of Revelation]. In 2 vols, vol. 1. St. Petersburg: Nauka, 2000, 699 p. (in Russian)